

Алексей Цветков

Марксизм как стиль

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ц27

Цветков, Алексей.

Ц27 Марксизм как стиль / А.В.Цветков. – Москва: Издательство АСТ, 2016. – 352 с. – (Ангедония. Проект Данишевского).

ISBN 978-5-17-096147-4

Алексей Цветков – писатель (лауреат премий Андрея Белого, НОС и Нонконформизм), публицист и политический активист левого движения.

Что из советского прошлого может быть взято в посткапиталистическое будущее? Как изменилась классовая структура общества и можно ли заметить эти перемены в нынешних медиа, поэзии, музыке, кино и мультипликации? В чем состоит притягательность митингов? Почему атрибуты вчерашнего бунта становятся артефактами в престижном лондонском музее?

В своей новой книге он рассказывает о том, что такое современный марксизм и как он применяется к элитарной и массовой культуре. Делится личным педагогическим опытом и вспоминает персональные «революционные ситуации», которые навсегда изменили его жизнь, а также перечисляет плюсы и минусы европейских антикапиталистов. Чего хотели немецкие «городские партизаны» и почему не стоит выносить тело Ленина из Мавзолея? Есть ли в современном искусстве утопическая сторона и как она соотносится с рыночным конформизмом рекламы? На кого хотели быть похожими местные рок-звезды и почему ни одна конспирологическая теория не может оказаться правдой даже чисто теоретически?

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-096147-4

© Цветков А.В., текст
© ООО «Издательство АСТ»

HAШE

ДИАЛЕКТИК ИЛЬЕНКОВ

Когда начался военный конфликт между Китаем и Вьетнамом, он рыдал у радиоприемника и отказывался общаться с кем либо. Сартр мог бы написать о таком человеке роман, а Годар снять фильм, но они были слишком далеко.

40БЕ: АРТИЛЛЕРИЙСКАЯ ДИАЛЕКТИКА

Сын известного советского писателя, дружившего с Заболоцким, в войну дошел до Берлина офицером-артиллеристом и в первый же свободный час отправился поклониться могиле Гегеля. На фронте он заслужил два ордена и медали, но чаще показывал гостям папку с грифом «Только для фюрера», которую хранил как сувенир.

Между боями артиллерист читал «Феноменологию духа» по-немецки. Великая война была для него вооруженным конфликтом левого и правого гегельянства и у надгробия он поблагодарил философа за то, что наше гегельянство оказалось надежнее и подняло над немецкой столицей свой флаг, а не наоборот.

Гений это всегда продукт команды и результат конкретной политики. Немцы первыми ввели у себя государственный культ образования, основав гумбольтовский университет в 1810 и стараясь таким «просвещением сверху» избежать немецкого аналога недавней француз-

ской революции. Прусский патриот Гегель вроде бы подтверждал успех этой стратегии, но большинство его учеников, как прямых, так и заочных, включая Маркса, оказались крайними бунтарями.

Германофилом Ильенков остался на всю жизнь: переводил Канта и Лукача, печатал свои книги на трофейной немецкой машинке, рисовал собственные декорации к «Золоту Рейна» и лично знал в Москве всех стоящих исполнителей Вагнера, партитуры которого читал перед сном, чтобы привести в порядок сознание.

50ЛЕ: ТЕРМОЯДЕРНЫЙ ПОЖАР В УНИВЕРСИТЕТЕ

После смерти Сталина он преподает в МГУ и пишет собственную «Космологию». Из его фронтовой шинели, которую он так долго не менял на пальто, вышла целая «семья» лучших советских интеллигентов-шестидесятников, да и многие будущие диссиденты и эмигранты.

Чему он их учил? Внутренние противоречия — двигатель любого развития. Границы проходят внутри вещей и явлений и главным законом бытия, условием существования, является столкновение любого явления с самим собой. Так, например, человеческий дух раскрывается по-настоящему, только пережив ошеломляющий опыт встречи с собственной материальной причиной.

Ничто это наиболее общая форма Нечто. Пространство и время есть только способы перехода качества в количество.

Правильно и глубоко понять самую ничтожную часть мира означает понять всю нашу реальность целиком.

Но любимая идея Ильенкова — делегирование своего смысла как условие всякого проявления. Всё становится

«собой», лишь покинув отведенные ему пределы и границы, как актёр в театре становится собой, только изображая другого. Человек становится человеком в результатах своей деятельности. Делегированное сознание лежит в основе политического представительства.

В наиболее общем виде такая логика приводит философа к тревожной идее, которую он не озвучивает перед студентами, но излагает в «Космологии»: окончательный смысл разумной жизни в космосе реализуется только после самоликвидации самой этой жизни и самого этого космоса. Смысл материального бытия открывается в термоядерном пожаре. Стопроцентный атеист Ильенков пишет марксистский апокалипсис, собственную программу конца света.

Остывание, замедление, угасание, энтропия, потеря силы — вот главный закон космоса. Разум появляется во вселенной как обратный энтропии процесс, как вызов фатуму, способный вернуть реальность к состоянию изначального плазменного взрыва и «перезагрузить» всю энергию космоса, не оставив ни одного атома на прежнем месте. Дать миру ещё одну «огненную юность». Человек есть уникальный инструмент самопонимания, самоуничтожения и самовозрождения вселенной. Освоение атомной энергии лишь первый намёк на нашу главную миссию — великое жертвоприношение, ради которого мы здесь.

Мало у кого с такой бесстрашной точностью выражен фаллический революционный пафос модерна, стирающего границу между мертвым и живым в акте созидательного разрушения. Космология Ильенкова возвращает нам пафос ведических гимнов — Шива, танцующий с огнем в многочисленных руках, творит и сжигает миры бессчетное число раз. Но место Шивы занимает человек бесклассового будущего, свободный от душеспасительных иллюзий и страха смерти. Человек как самая парадоксальная фигура атомного кон-

структура, рассыпающая весь конструктор ради возврата энергии в мир.

Студенты оттепельных времен, увлекавшиеся Рерихом и йогой, передавали машинопись «Космологии» друг другу. Именно ильенковская логика позволит математику и диссиденту Шафаревичу «разоблачить» коммунизм как тайный культ небытия и отрицания основ жизни.

Термоядерный пожар последней революции не мог понравиться и советской цензуре.

В Италии его книгу взялся публиковать Фельтринелли, известный у нас как первый издатель «Доктора Живаго». В Европе же Фельтринелли помнят как «красного миллионера», ненавидевшего капитализм и мечтавшего о мировой революции. На личной яхте он доставлял в Европу оружие из Магриба, чтобы создать «сеть городских партизанских ячеек», финансировал «Красные бригады» и в итоге подорвался на собственной бомбе. В текстах Ильенкова красного миллионера подкупило гамлетовское переживание бытия.

60ЛЕ: КОММУНИЗМ ЧЕРЕЗ 20 ЛЕТ

Теперь его выпускают в Европу. Но даже там он курит только крепкие кубинские сигареты, потому что поддерживает тропический социализм, а не западные табачные корпорации. В танцующем и бунтующем мире 1960ых марксизм переживает второе рождение. 1968 год обещает необратимые изменения и на фабрике и в университете и в семье. Маркузе, Фромм, Адорно, Хабермас... Ильенков чуть ли не единственный с советской стороны, кто может дискутировать с ними на одном уровне.

Их богемным радикализмом так легко очароваться. С ними дружат сюрреалисты и рок-звезды. Их цитируют на митингах восставшие студенты. Они жонглируют фе-

министскими, структуралистскими и психоаналитическими словечками, сидя в модных кафе и рассуждая о товарном фетишизме, организующем наш внутренний мир по принципу супермаркета с его иерархией товаров или о культурной индустрии, которая присваивает любые протестные формы, но не сами протестные функции. Советский Союз для них это «деформированное бюрократами рабочее государство» или даже «государственный капитализм», который так и не стал социализмом и вынужден каждый день выдавать желаемое за действительное, приучая к дежурной лжи всех своих граждан. В любом случае, СССР прочно занял своё место в рыночной «миросистеме», уступив революционную роль маоистскому Китаю.

Но Ильенков не очаровывается даже втайне и всерьез спорит, выискивая смутные места в их красивых рассуждениях. Одной из фатальных ошибок нового поколения западных леваков ему видится противопоставление двух Марксов: молодого романтического гуманиста и позднего строгого экономиста.

Поздний Маркс исследовал главный источник отчуждения — противоречие между коллективным характером труда и частным характером присвоения результатов этого труда. Человек ходит на работу, которую ненавидит, чтобы купить вещи, которые ему не нужны и принести прибыль людям, которых он не знает. Невидимая рука рынка на вашем горле как анонимное насилие капитала. Именно это ощущение, что ты проживаешь не свою жизнь, в превращенных формах массовой культуры порождает культ зомби, из которых выкачали жизнь, условно живых мертвецов, а так же вампиров и зловещих инопланетян, использующих нас в своих непонятных целях. Ильенкова смущало, что «новые левые» всё реже говорят о политэкономическом решении проблемы отчуждения, о глобальной экспансии рынка абстрактных стоимостей и всё чаще противопоставляют отчуждению художественное «остранение» в новом искусстве, обратно направлен-

ное автоматизму восприятия и поведения. В игровых формах нового искусства и контркультуры левацкая богема находила все то, чему не позволено состояться в реальности, что не может быть реализовано политически, все отложенные возможности и напрасные мечты. Так событие Революции подменяется местом Галереи.

Из МГУ его всё же вычистили за «извращение марксизма». Но это не помешало писать статьи для толстых советских энциклопедий и заниматься «наукой о мышлении». Это даже не помешало самым верным ученикам ильенковской школы приложить руку к новой программе партии.

К той части, которая про будущее. Рост потребления + воспитание нового человека + автоматизация труда дадут нам возможность достичь коммунизма. Устно добавлялось, что это можно сделать за 20 лет. Сфера общедоступного расширится настолько, что сфера «товарного» исчезнет, уступив научно организованному распределению всего и весь мир будет устроен как одна большая библиотека. Советская фантастика наконец станет реальностью. Состоится антропологическая революция, сдвиг всех отношений от конкуренции к симбиозу. Талант станет нормой, а бездарность — патологией. Продолжительность жизни, как рассчитал Ильенков, поднимется до 130 лет. В конце двадцатого века у человечества будут только два конкурирующих проекта модернизации — советский и американский. Немного утрируя, всем людям планеты придется сделать выбор и разделиться на советский народ и американский народ перед финальной битвой между ними.

Его внимательно читают Стругацкие периода «Трудно быть богом». Хотя полнее всего ильенковская космология проступит у них позднее, в «За миллиард лет до конца», где ученые понимают, что их наука с неизбежностью готовит конец света, старый мир магически сопротивляется и правильного выхода из этого нет.

Педагоги-новаторы, назвавшиеся «коммунарами», обсуждают с Ильенковым, как переделать школьную программу, чтобы воспитать за 20 лет новых людей. Гораздо раньше, впрочем, и «коммунаров» упразднят, и у Стругацких перестанут выходить новые книги, и в Европу таких, как Ильенков выпускать снова перестанут.

70БЕ: ВИДЕТЬ ЧУЖИМИ ГЛАЗАМИ

После оттепели в безвоздушные брежневские годы общим настроением повзрослевших и постаревших мечтателей становится уход в частные практики: совершенствуй профессию, коллекционируй что-нибудь, учи язык и расти детей достойными и культурными людьми, а с коммунизмом там видно будет...

Ильенков поворачивает эту тему «малых дел» по-своему. Бывший сокурсник предлагает ему проверить собственную теорию сознания на практике в загорском интернате для слепоглухих детей.

Откуда берется личность? Из чего она собирается? Когда Ильенкова лукаво спрашивали, насколько процентов человек социален, а насколько биологичен, советский философ отвечал: «Социален на 101 процент». И значит, человек рождается на несколько лет позже своего физического появления на свет и обычно умирает несколько раньше физической смерти.

Сознание человека можно «спаять» так же, как радиоприемник, если иметь перед собой схему и понимать принцип действия. Ильенков любил собирать собственные модели магнитофонов и телевизоров, часами возился с паяльником и признавался, что именно в эти часы к нему приходят самые точные и оригинальные мысли. А если наскучивали железные детали, он занимался переплетным делом. Поврежденного человека можно заню-

во переплести, как книгу. Идентичность это производство самого себя с помощью других.

Главное отличие человека от животных — способность пользоваться языком, но язык возможен только там и тогда, где человек научается смотреть на себя глазами других людей и, в конце концов, глазами всего человечества.

В загорском эксперименте это было воплощено буквально — научить детей «видеть» чужими глазами, а в самых сложных случаях воспринимать всю внешнюю информацию через окружающих.

Сотни раз он берет их руки в свои, прежде чем они сами смогут сделать элементарный осмысленный жест. Учит мыслить пальцами, чтобы освоить рельефно-точечное чтение и затем постепенно развивать устную речь.

День за днем Ильенков занимается со слепым мальчиком, чтобы развить у него музыкальный слух.

Они запомнят его волшебником, пришедшим к ним сквозь безмолвие и тьму, чтобы учить их превращать действие в жест, жест в знак, знак в слово. Волшебником, открывшим окно знания в их наглухо захлопнутой вселенной. Этой своей работой он гордился больше всего.

12

Четверо его слепоглухих воспитанников, благодаря ильенковским «сенсомоторным схемам», научились говорить, писали стихи, получили высшее образование и даже защищали научные работы по психологии и математике. Подобных результатов не было до этого нигде в мире.

Кухня Ильенкова в Камергерском переулке стала одним из самых интересных интеллигентских клубов застойных лет. Со всеми полагающимися бардами, актерами Таганки, кибернетиками, методологами, писателями-фантастами, изобретателями из провинции и заграничными гостями из

партизанских движений третьего мира. Но сам Ильенков на этой кухне обычно больше слушал, чем говорил и перемигивался с изумрудным богомолем, жившим тут же, на цветах. Богомола философ считал самым грациозным из тех животных, каких можно завести дома.

Когда все уставали от бесед, на «ильенковских» самодельных магнитофонах слушали Галича или «Иисус Христос — суперстар».

К «дурной оригинальности» западной контркультуры, впрочем, хозяин кухни так и остался строг, страстно и старательно объяснял, что американские хиппи это социальная энтропия, остывание, согласие с уходом из Большой Истории ради личной иллюзии. Смысл оригинальности состоит вовсе не в том, чтобы изо всех сил выпячивать свою «от других отличность», а в том, чтобы лучше, чем другие, выразить Всеобщее. 1960ые в США это эпоха детей и результатов «розового» рузвельтовского «нового курса» т.е. социализации рынка, ставшей источником политического вдохновения для скандинавских стран и Канады. Но дальнейшего развития этот курс в эпоху «холодной войны» не получил и мировоззрение хиппи, при всей их крикливой цветастости и мозаичном мистицизме, стало живым выражением отказа от больших реформистских надежд. А вот в поп-арте и концептуализме Ильенков видел веселое презрение буржуазного человека к самому себе.

В семидесятых Ильенков берется за окончательное разъяснение проблемы «идеального». Идеальное как объективная возможность, скрытая внутри всех вещей, которая может реализоваться только с помощью разумной человеческой деятельности и сопровождающей её рефлексии. Самым наглядным примером идеального является стоимость товара. Идеальное как система понятий, а человек как способ осуществления понятий. Мышление как идеальная сторона нашего труда.

ПЕРЕПЛЕТНЫЙ НОЖ

В отличие от большинства своих собеседников (Зиновьев, Щедровицкий, Мамардашвили, Пятигорский), он никогда не пытался быть денди, скорее сохраняя некоторый внешний лунатизм, равнодушие к своему облику. А «длинноватую» прическу объяснял тем, что редко вспоминает о парикмахере.

Вагнеровский драматизм и контрастность, которые он так ценил в бытии, с годами проступили и на его собственном лице. Теперь он стал почти пенсионер. Но Ильенков ждал не пенсии, а коммунизма. И сделал для реализации партийной программы всё, что мог себе представить.

Новый человек не возникает. Отчуждения и опредмечивания стало не меньше, а больше. Товарно-денежные отношения не испаряются и советская государственная собственность так и не становится по-настоящему общенародной. Ценности не упраздняют цен, но скорее наоборот, уступают им. Официальные разъяснения о том, что при социализме цены товаров «справедливые», а при капитализме — нет, представлялись Ильенкову дремучим восточным убожеством, а не марксизмом. Следующий за революцией шаг к изменению общества так и не был сделан. Две волны мировой креативности — 1920ые и 1960ые остались в прошлом и сменились новым умственным спадом.

Философ чувствовал себя более не способным к производству смысла и продолжению космической войны с остыванием вселенной и рассеиванием первичного света. Впадал в чёрную алкогольную меланхолию, а вместо ответа на любой философский вопрос, всё чаще проговаривал свою любимую считалку про десяток негритят.

Его повзрослевшие университетские ученики покупали с рук джинсы и замшевые пиджаки «как у Сержа Ген-

сбура», интересовались восточным мистицизмом и возможностью эмиграции и, конечно, посмеивались над ретроградным ленинизмом учителя и над его трогательной любовью к «Софье Власьевне». Для любого социального успеха нужны два базовых условия — структура и аудитория. Их учитель не находит вокруг ни того ни другого в нужном ему качестве.

20 лет ожидания коммунизма прошли и Ильенков, похоже, был последним, кто вообще об этом помнил и переживал это как личное поражение. Но прописанные ему советские антидепрессанты незаметно от семьи прятал под подушку.

Философ хорошо знал анатомию и перерезать себе артерию на шее ему не составило большого труда. Он сделал это переплётным ножом, который сам когда-то переточил из пилы. По законам диалектики любое оружие может превращаться в оружие, как рабочий может превращаться в солдата.

Захлебываясь кровью, он вышел из квартиры и рухнул на лестнице, в миниатюре совершив то, в чем видел конечную цель всей разумной жизни. Триумф диалектики бытия есть момент возврата к большому взрыву — плазменное самоубийство реальности. Мыслящий человек в своей разумной деятельности стремится воспроизвести всю существующую природу целиком.

Мне хватило бы только его биографии, чтобы объяснить кому угодно, чем был советский век и что вообще такое модернистский проект переделки мира и человека.

В этой татлинской башне скручиваются красный флаг над Рейхстагом — «зрение» слепых детей — нестерпимая атомная вспышка, заливающая небосвод — портреты Мао на стенах захваченной студентами Сорбонны — термоядерная перезагрузка мира через финальное космическое жертвоприношение.